

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-133-142

УДК 811.134.2; 811.161.1

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Литвиненко Т.Е.

В статье анализируется проблема вариативности формы и содержания паремиологических высказываний в российском и испанском интернет-дискурсах.

Цель. *Работа направлена на выявление языковых механизмов порождения высказываний, восходящих к устойчивым единицам лингвокультуры, а также на интерпретацию понятийной структуры преобразованных паремий, возникающих при реализации коммуникантами креативной функции языка.*

Метод и методология проведения работы. *В ходе исследования материала были использованы методы семантического, концептуального и интертекстуального анализа, осуществляемого в рамках сравнительно-сопоставительного изучения традиционных и новых паремий различных лингвокультур.*

Результаты. *Анализ материала показал, что в большинстве случаев лингвокреативный потенциал единиц испанского и русского фразефонда находит выражение в метафорическом сдвиге в когнитивной структуре паремий, в рекомбинации фреймовых компонентов отраженных ими ситуаций и в формировании новых ментальных образований (блендов), интегрирующих фрагменты моделей мира разных эпох. На знаково-семиотическом уровне такие высказывания квалифицируются как интертексты.*

Область применения результатов. *Результаты и основные выводы статьи могут быть использованы в исследованиях, связанных с проблемами эволюции национального фразефонда, влияния языка традиционной культуры на современные фольклорные*

жанры, а также с проблемами интернет-коммуникации, словесного творчества и интертекстуальности.

Ключевые слова: креативная функция языка; паремия; концептуальная метафора; интертекст.

SPANISH AND RUSSIAN PAROEMIA AS SOURCE OF CREATIVITY: A COMPARATIVE STUDY

Litvinenko T.E.

The article analyzes the problem of variability in the form and content of paroemias in Russian and Spanish Internet discourses.

Purpose. *The work is aimed at identifying the linguistic mechanisms of generating utterances that go back to stable units of culture, as well as interpreting the conceptual structure of the transformed paroemias that arise when communicants implement the creative function of language.*

Methodology. *During the study of the material, the methods of semantic, conceptual, and intertextual analysis, carried out in the framework of a comparative study of traditional and new paroemias of various linguistic cultures, were used.*

Results. *The analysis of the material showed that in most cases the creative potential of units of the Spanish and Russian phraseological corpus is reflected in a metaphorical shift in the cognitive structure of paroemias, in the recombination of frame components of the situations reflected by them and in the formation of new mental formations (blends) that integrate fragments of models of the world from different eras. At the semiotic level, such utterances are classified as intertexts.*

Practical implications. *The results and main conclusions of the article can be used in further research on the problems of the national phraseology evolution, the influence of the language of traditional culture on modern folklore genres, as well as the problems of Internet communication, verbal creativity and intertextuality.*

Keywords: *creative function of language; paroemia; conceptual metaphor; intertext.*

Изменения условий существования человека 21 в., вынужденно противостоять новым угрозам, приспосабливаться к непредсказуемым реалиям и адаптироваться к рискованным «нормальностям» бытия, находит свое непосредственное отражение в коммуникативных практиках говорящего, применяемых им в современных медиапространствах. Транслируя знания о меняющейся картине мира и, в силу этого, о меняющихся средствах и способах ее вербального представления, участник коммуникации активизирует индивидуальный языковой опыт, обновляя и расширяя его благодаря присущим ему лингвокреативным способностям [1; 4]. Между тем, остается очевидным, что любое проявление личного творчества невозможно без опоры на язык как на коллективное достояние, чье использование предполагает неизбежную интеграцию единичного, общего и особенного.

Рассматривая с этих позиций языковую коммуникацию, к сфере *общего* могут быть отнесены не только собственно «словарь и грамматика», включая и фразеологические единицы, но и универсальные типы дискурсов, в том числе, и фольклорный, восходящий к основам лингвокультуры. Сфера *особенного* в этом случае может быть представлена культурно-специфическими языковыми средствами, в частности, особым фразеофондом и паремиями, объективирующими национальную картину мира. Наконец, к *единичному* следует отнести различные варианты устойчивых выражений, возникающие в результате преобразования паремий коммуникантом как лингвокреативной личностью.

Отметим, что в иных терминах результат творческой переработки пословиц и поговорок дает возможность квалифицировать получившиеся высказывания как интертексты, «цитирующие» единицы традиционной культуры. При этом, подобно воспроизводимым образцам новые единицы сохраняют такие свойственные фольклору черты, как анонимность (утрата авторства) и вариативность (полиморфизм), а также широко понимаемую дидактическую направленность, связанную с фиксацией и передачей социально-значимых знаний и опыта [5; 9].

Обращение к испанскому и русскому медиапространствам показывает, что наблюдаемый в последнее время «всплеск» творческой активности, выражающийся в появлении значительного числа вариантов паремий, был спровоцирован резким сдвигом в повседневности, вызванным пандемией коронавируса *COVID-19*.

Сопоставление испанских и русских паремий продемонстрировало, что наряду с общей причиной их возникновения, давшей толчок интертекстуальным рекомбинациям заданных и новых когнитивных структур, их объединяет игровой характер высказываний [11], направленный на узнавание источника цитирования, выявление произведенных трансформаций и создание/разрушение эффекта обманутого ожидания.

(1 исп.) *En boca tapada no entran virus ← En boca cerrada no entran moscas* [цитаты по: 14].

(2 исп.) *Nadie sabe lo que tiene, hasta que se lo detectan ← Nadie sabe lo que tiene, hasta que lo pierde.*

(1 рус.) *На чужой вай-фай рот не разевай ← На чужой каравай рот не разевай* [цитаты по: 15].

(2 рус.) *А ВОЗ и ныне там... ← А воз и ныне там...*

Кроме этого, паремии на обоих языках связывает явная комическая направленность, обусловленная адаптивной семантикой таких высказываний, нацеленных на преодоление тревожных состояний.

(3 исп.) *No es más rico el que más tiene, sino el que menos papel higiénico necesita ← No es más rico el que más tiene, sino el que menos necesita.*

(3 рус.) *Век живи, век лечись ← Век живи, век учишь.*

К сказанному можно добавить, что и те, и другие паремии сохраняют свою сентенциальную сущность:

(4 исп.) *Más vale mascarilla en la boca que toser a la loca ← Más vale quedar hoy con gana que estar enfermo mañana.*

(4 рус.) *Мал вирус, да вреден ← Мал, да удал.*

А также эстетические характеристики – ритм и (иногда) рифму:

(5 исп.) *Aunque la mona se vista de seda, en casa se queda ← Aunque la mona se vista de seda, mona se queda.*

(5 рус.) *Двое паирут, семеро на карантине пляшут.* ← *Двое паирут, семеро руками машут.*

В целом же весь инвентарь Covid-паремий может быть представлен в качестве средств репрезентации интертекстуального фрейма [6], организующего поведение человека в условиях витальной угрозы [об этом: 2]. При таком подходе к слотам или, точнее, к их комбинациям в структуре фрейма следует отнести ряд признаков, соответствующих фрагментам описываемой ситуации [12]. В том числе:

- длительность пандемии, предполагающая ограничение социальных контактов, необходимость лечения, вакцинации и пр.:

(6 исп.) *Hasta el cuarenta de mayo, no visites al yayo* ← *Hasta el cuarenta de mayo, no te quites el sayo.*

(7 исп.) *Hasta el cuarenta de mayo, no te quites el pijama* ← (ibid.)

(8 исп.) *No hay cuarentena que dure 100 años, ni cuerpo que la resista* ← *No hay mal que dure 100 años, ni cuerpo que lo resista.*

Ср. также (3 рус.),

(6 рус.) *До свадьбы доживет, до тика – нет* ← *До свадьбы заживет.*

(7 рус.) *Самоизоляцию пережить – не поле перейти* ← *Жизнь прожить – не поле перейти.*

(8 рус.) *Обещанной вакцины три года ждут.* ← *Обещанного три года ждут.*

- Необходимость контролировать ситуацию до самого конца:

(9 исп.) *No cantes victoria hasta el fin de la cuarentena* ← *No cantes gloria hasta el fin de la victoria.*

(9 рус.) *Хорошо чихает тот, кто чихает последним* ← *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

- Непредсказуемость эпидемиологической обстановки, обусловленная скоростью распространения коронавируса:

(10 исп.) *El bien viene andando, el coronavirus, volando* ← *El bien viene andando, el mal, volando.*

(10 рус.) *Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь* ← *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.*

- Важность соблюдения самоизоляции и социальной дистанции. См. (5 исп.), (6 исп.), (7 исп.), (7 рус.), а также:

(11 исп.) *Más vale viejo encerrado que, pronto, enterrado* ← *Más vale viejo asentado, que mozo desatinado.*

(12 исп.) *Más vale estar solo, que contagiado* ← *Más vale estar solo, que mal acompañado.*

(13 исп.) *Dime con quién andas, y te diré que no te acerques* ← *Dime con quién andas, y te diré quién eres.*

(11 рус.) *Друг познается на социальной дистанции* ← *Друг познается в беде.*

(12 рус.) *В магазин поспешишь – людей заразишь* ← *Поспешишь – людей насмешишь.*

(13 рус.) *Виртуальный друг лучше новых двух* ← *Старый друг лучше новых двух.*

• Необходимость использования средств индивидуальной защиты. См. (4 исп.), а также:

(14 исп.) *Al mal tiempo, mascarilla y guantes* ← *Al mal tiempo, buena cara.*

(14 рус.) *Любишь кататься – люби и масочки носить* ← *Любишь кататься – люби и саночки носить.*

(15 рус.) *Мал санитайзер, да дорог* ← *Мал золотник, да дорог.*

Не имея возможности полностью рассмотреть многомерную структуру данного фрейма, отметим, что сопоставление его испанских и русских актуализаторов указывает на широкую вариативность отраженной в них семантики. При этом многие такого рода высказывания также характеризуются свойственной им формальной дублетностью [10], обусловленной наличием у них общего интертекстуального источника. Так, к одной и той же указанной паремии восходят примеры (6 исп.) и (7 исп.). Различные варианты обнаруживаются у (5 исп.): *Aunque la mona se vista de seda, si tose... ¡coronavirus!* и у (14 исп.): *Al mal tiempo, buena casa.* К одной, но по-разному представленной основе отсылают единицы *На бога надейся, а руки помой; На карантин надейся, а сам не плошай;* и др.

Что же касается когнитивных механизмов образования [7; 13] приведенных высказываний, то их лингвокреативный потенциал находит свое непосредственное выражение в метафорическом сдви-

ге, произошедшем при наложении двух ментальных пространств и их интеграции в единое новое пространство или бленд [8].

Так, паремия *En abril, contagios mil*, восходящая к двум концептуальным структурам: пространству *coronavirus*, чьим репрезентантом становится имя *contagios*, и пространству, отраженному в испанской пословице *En abril, aguas mil*, возникает в результате их интеграции на ментальном и на знаковом уровнях. При этом, в процессе слияния двух пространств образуется метафора «*enfermedad es liquido*», позволяющая интерпретировать болезнь как жидкость, наводняющую все вокруг [об этом также: 3].

Аналогичным образом и ранее упомянутая паремия (6 исп.), отразившая креативные способности ее создателя в языковой игре, связанной с числительным *cuarenta* и этимологически близком ему имени *cuarentena* «карантин», может быть рассмотрена как результат интеграции подобных пространств. Первое из них, объективируемое запретом *no visites al yayo* «не навещай дедушку», замещает пространство, выраженное указанием *no te quites el sayo* «не снимай накидку», при общем компоненте *hasta el 40 de mayo* «пока не наступит сороковое мая (т. е. девятое июня и не станет по-настоящему тепло)», может быть представлено как компонент концептуальной метафоры «*distanciamiento social es una medida preventiva*», с общим для двух пространств значением «мера предосторожности».

Примером действия такого рода механизмов в русской коммуникации может служить паремия *He tak страшен ковид, как его маляют*, отсылающая, как и во всех прочих случаях, к пространству *coronavirus* и к интегрированному с ним пространству, описываемому фразой-источником приведенного высказывания. Элиминация в интертексте имени *черт* и замена его репрезентантом иного референтного поля позволяет рассматривать их в качестве элементов метафоры «*болезнь – это зло*» при сохранении специфической аксиологии высказывания, присущей оригиналу.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что единицы, эволюционно связанные с испанским и русским фразеофондом, обнаруживают ряд общих черт, обусловленных их интертекстуальной природой,

идентичным механизмом образования и референцией к универсальному концептуальному пространству *coronavirus*. Их объединяет метафорического характера высказываний, общность коммуникативных функций, включая адаптивную, информационную, и, собственно, креативную, а также сфера реализации – национальные медиа.

Различаясь в своих истоках, обращенных к разным культурам и их носителям, такие единицы не только свидетельствуют о продолжении традиции создания значимых смыслов и образов, но и указывают на то, что творчество помогает преодолеть любые популяционные трудности.

Список литературы

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УГПИ, 1996. 215 с.
2. Литвиненко Т.Е. «Конец света» как интертекстуальный фрейм // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 8–13.
3. Литвиненко Т.Е. Метафоры интертекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 175–181.
4. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, Наука, 2006. 344 с.
5. Anscombe J.-C. Reflexiones críticas sobre la naturaleza y el funcionamiento de las paremias. *Paremia*. 1997. N 6. pp. 43–54.
6. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.
7. Fauconnier G. *Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics*. Leiden: Brill Books, 2018. 226 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N.Y: Basic Books, 2002. 440 p.
9. García-Page M. Fraseologismos oracionales. *Contextos*. 1995. No 13. pp. 72–92.
10. Sevilla Muñoz J. Tendencias actuales de la investigación paremiológica en España // *La investigación paremiológica en España*. Atenas: Ta kalós kéimena, 2008. pp. 11–54.

11. Tristán Pérez A. La fraseología y la fraseografía. Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. Madrid: Iberoamericana, 1998, pp. 297–305.
12. Ungerer F., Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. L: Routledge, 2006. 400 p.
13. Vega M. de. Levels of embodied meaning: From pointing to counterfactuals. Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008. pp. 285-308.
14. <https://eldesmarque.com/actualidad/coronavirus/1385087-refranes-espanoles> (дата обращения: 18.10.2020).
15. <https://shuhutok.ru/anecdots/39517> (дата обращения: 21.10.2020).

References

1. Gridina T.A. *Jazykovaja igra: stereotip i tvorcestvo* [Language game in the artistic text]. Ekaterinburg: UGPI, 1996. 215 p.
2. Litvinenko T.E. «Konec sveta» kak intertekstual'nyj frejm [«Doomsday» as an intertextual frame]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013. № 3. P. 8–13.
3. Litvinenko T.E. Metafory interteksta [Metaphors of the intertext]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2008. № 20. P. 175-181.
4. Norman B. Yu. *Igra na granjah jazyka* [Playing on the edges of language]. Moscow: Flinta, Nauka, 2006. 344 p.
5. Anscombe J.-C. Reflexiones críticas sobre la naturaleza y el funcionamiento de las paremias. *Paremia*. 1997. № 6. P. 43–54.
6. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.
7. Fauconnier G. *Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics*. Leiden: Brill Books, 2018. 226 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N.Y: Basic Books, 2002. 440 p.
9. García-Page M. Fraseologismos oracionales. *Contextos*. 1995. № 13. P. 72–92.
10. Sevilla Muñoz J. Tendencias actuales de la investigación paremiológica en España. La investigación paremiológica en España. Atenas: Ta kalós keímena, 2008. P. 11–54.

11. Tristán Pérez A. La fraseología y la fraseografía. Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. Madrid: Iberoamericana, 1998. P. 297–305.
12. Ungerer F., Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. L: Routledge, 2006. 400 p.
13. Vega M. de. Levels of embodied meaning: From pointing to counterfactuals. Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 285–308.
14. <https://eldesmarque.com/actualidad/coronavirus/1385087-refranes-espanoles>.
15. <https://shuhutok.ru/anecdots/39517>.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германской филологии
Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация
kafedra_rgf@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Litvinenko Tatiana Evgenievna, Doctor of Philology, Professor of the
Department of Romance and German Philology
Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
kafedra_rgf@mail.ru